

Сны об Италии. Рец. на книги Н.П. Комоловой «Италия в русской культуре Серебряного века» (М., Наука, 2005) и Patrizia Deotto «In viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa» (Trieste, 2002)

В истории русской гуманитарной науки трудно найти период, не отмеченный интересом к Италии. Можно говорить лишь о большей или меньшей проявленности этого интереса, о предпочтениях, отдаваемых той или иной области богатой итальянской культуры. Очередной всплеск увлечения Италией начался с 90-х годов XX века и продолжается до сих пор. За полтора десятилетия одна за другой выходили в свет статьи и монографии, посвященные итальянской живописи, архитектуре, литературе. Книга Н.П. Комоловой из их числа.

Написана она историком, известным итальянистом, автором монографий и многочисленных статей, часть из которых вошла в рецензируемую книгу, ответственным редактором ряда сборников «Россия и Италия», изданных под эгидой Института всеобщей истории РАН. Все это подсказывает читателю, что перед ним книга высоко информативная и подлинно научная. И ожидания в значительной степени оправдываются. Первая глава книги, сдержанно названная «Общие проблемы», содержит большой и разнообразный материал, связанный с различными аспектами российско-итальянских отношений в первых десятилетиях XX века. Показателен сам перечень имен, которые сменяют друг друга на страницах первой главы. Это, помимо неизменно присутствующего в подобном контексте М. Горького, Ф. Шаляпин, А.В. Амфитеатров, Г.А. Лопатин, Б.В. Савинков, П.А. Кропоткин, М.А. Осоргин, Вяч. И. Иванов, П. Муратов, В. Кандинский, М.П. Абамалек-Лазарева и многие, многие другие. Список, как видим, довольно пестрый, но, несомненно, интересный с точки зрения полноты включенных в него персоналий. Н.П. Комолова держит в поле внимания представителей всех кругов русского общества, на долгий или короткий срок оказавшихся в Италии и, главное, оставивших там след. Поэтому, хотя книга называется «Италия в русской культуре Серебряного века», речь в ней идет и о вкладе русских в итальянскую культуру. Интересны в этом отношении три раздела первой главы, по своему временному масштабу порой далеко выходящие за пределы Серебряного века – «Русское зарубежье в Италии: вклад в культуру (1917-1945)», «Римские чтения 1923 года: “Россия и русские”» и «Русская православная церковь во Флоренции и ее прихожане».

В целом первая глава книги предлагает читателям, исследователям такой объем материала, что на его основе, при более глубоком, детальном изучении приведенных данных, специалистами в конкретных областях (историками, искусствоведами, филологами) могут быть созданы десятки статей и монографий. Именно поэтому вроде бы напрашивающийся упрек в некоторой хаотичности и разноплановости освещения проблемы при внимательном знакомстве с книгой Н.П. Комоловой оборачивается

благодарностью за обилие информации, способствующей дальнейшему движению научной мысли.

К сожалению, то, что определяет достоинства первой главы, в последующих главах, особенно там, где речь идет о литературе, нередко выглядит как недостаток, который весьма досадно обнаруживать у специалиста столь высокой квалификации как автор книги «Италия в русской культуре Серебряного века». Единственное объяснение, кое можно в этом случае предложить – горячая увлеченность ученого предметом исследования: вещь столь же желанная, сколь и опасная, если она выплескивается в научный текст.

В последнее время филологическое поле стало местом притяжения специалистов, работающих в разных гуманитарных сферах – философов, психологов, историков. Методы их работы, спроецированные на изучение художественных текстов, порой приносят плоды, но филологические штудии имеют, как и все прочие, свою специфику, связанную с особым видением материала, с особыми подходами к его анализу, с особым языком описания, наконец. В этом смысле разделы книги Н.П. Комоловой, посвященные отдельным русским поэтам, выглядят как предисловия к сборникам, рассчитанным на массового читателя. Не случайно здесь, за редкими исключениями, отсутствуют ссылки на работы, посвященные творчеству А. Блока, Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Вяч. Иванова. Между тем, только об «Итальянских стихах» А. Блока написано не менее полутора десятков работ: не упоминая отечественные монографии о творчестве А. Блока, авторы которых практически никогда не игнорируют итальянский цикл, можно назвать имена таких исследователей как Вяч. Вс. Иванов, Е.Г. Эткинд, М. Бёмиг, П. Каццола и многих, многих других. Еще большее число работ посвящено Италии Вяч. Иванова. Немало статей написано и об Италии Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой.

Следствием небрежения трудами коллег-филологов только и можно объяснить возникающие в книге неточности. Приведу лишь один пример: на странице 127 говорится о некоей книге стихов из посвящений, изданной Блоком в 1903 году. В действительности *цикл* стихов «Из посвящений» был опубликован в журнале «Новый путь» (март 1903 года).

Нежелание как-то соотноситься с существующими толкованиями произведений также приводит к досадным вольностям. Так, в связи все с тем же А. Блоком *безоговорочно* утверждается сопряжение и Прекрасной Дамы, и Незнакомки с Беатриче. При этом прочий, более значимый круг образных соотношений никак не обозначается. Тексты А. Блока (и не только Блока) в прозаическом переложении автора меняют облик, а иногда искажаются, домысливаются, либо до крайности упрощаются в интерпретации. На странице 132, к примеру, читаем: «Долгим взглядом смотрит *вслед* поэту совсем юное создание из Сеттиньяно». У Блока:

Вот девушка, едва развившись,

Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне *навстречу* (курсив мой. – Н.М.).

На той же странице далее: «Бьет в гулкий бубен и пляшет прекрасная флорентийка». У Блока:

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз.

Конечно, флорентийка может быть олицетворением Флоренции, но характер сложного блоковского образа никак не вмещается в репрезентирующее его суждение Н.П. Комоловой. Горечь и чувство одиночества слышатся автору в стихотворении Н. Гумилева «На Палатине», хотя смысловые интенции стихотворения прямо противоположны (с. 169). Известнейшее стихотворение О. Мандельштама «Венецианская жизнь» приобретает в книге название «Сусанна и старцы» и его сюжетная канва в связи с этим объявляется хрестоматийной (с. 203). К сожалению, полный перечень подобных оплошностей мог бы оказаться довольно длинным.

Некая фрагментарность, необязательность анализа и обоснований присутствует и в двух последних разделах книги – «Образы Италии в живописи и искусствоведении» и «"Итальянская идея" в историко-философской мысли». К примеру, в главе «"Миф Италии" Гёте и его реминисценции у Волошина и Габричевского» следовало бы упомянуть о влиянии «Итальянского путешествия» и песни Миньоны Гёте на русских писателей XIX века или хотя бы сослаться на соответствующие работы. Без такого упоминания М. Волошин, *продолжающий* развивать гётевские мотивы в XX веке, выглядит не вполне укорененным.

Следует, вместе с тем, отметить, что, в отличие литературных глав, в последних разделах книги страницы, посвященные живописи, представляют несомненный интерес не только фактографически, но и аналитически – автор высказывает ценные замечания относительно сюжетов картин, их колористики и т. п.

Книга Н.П. Комоловой содержит цветные и черно-белые иллюстрации, что придает ей наглядность и, в случае с отсылками к полотнам художников, с некоторыми ограничениями, порожденными качеством репродуцирования, позволяет читателям составить собственное суждение.

В целом монография «Италия в русской культуре Серебряного века», несмотря на присущие ей недочеты, производит впечатление колоссального по затратам усилий и объему предлагаемого материала научного труда, к которому долгие годы будут обращаться за справками и информацией русские итальянисты и итальянские русисты.

Автор книги «In viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa» - известный итальянский переводчик, славист, филолог и одновременно глубокий знаток русской культуры в широком смысле слова.

Перу Патриции Деотто, помимо большого количества статей, среди которых есть работы, требующие знания культуры «изнутри» (к примеру, статья «Петербургский дачный быт XIX века как факт массовой культуры»), принадлежит монография о мало известном, сложном и во многом трагичном периоде пребывания в Северной Италии большой группы казачьих семей и строевых Казачьего Стана (октябрь 1944 – май 1945 гг.).

Название книги П. Деотто перекликается с названием книги Н.П. Комоловой: в обоих случаях речь идет об Италии в русской культуре. Но перекличка на этом и кончается. Период, интересующий П. Деотто, шире – XIX - начало XX века, и выбор временных границ здесь не случаен. Автор книги не стремится к информационной всеохватности, но ставит перед собой вполне конкретную задачу – с истоков, по сути, проследить формирование в русской культуре «Итальянского текста», учитывая взаимовлияние разных областей искусства и, прежде всего, литературы и живописи. При этом П. Деотто принимает во внимание множество факторов, повлиявших на процесс зарождения и утверждения в русской литературе «итальянского кода», что позволяет ей показать особенности русского «Итальянского текста» на фоне соответствующих европейских тенденций. Это особенно важно потому, что среди русских поэтов первой половины XIX века, писавших об Италии, были и те, кто посещал эту страну и, следовательно, пользовался живыми впечатлениями, и те, кто в Италии никогда не был и видел ее только глазами своих литературных предшественников или друзей-современников (А. Пушкин, И. Козлов).

П. Деотто указывает на цельность русского «итальянского кода». В произведениях начала XIX века, замечает автор книги, обнаруживается «постоянное присутствие ряда категорий, которые эволюционируют на протяжении всего столетия вплоть до начала века XX, обеспечивая единство описания и подтверждая существование литературной традиции» (с. 8). Это постоянство воспроизведения тех или иных мотивов и образов, образных формул порождает в русской литературе, по мнению П. Деотто, своеобразный интертекст, элементы которого автор убедительно демонстрирует.

Большая часть книги «В поисках осуществленной мечты. Италия и итальянский текст в русской культуре» посвящена исследованию различных аспектов городских субтекстов «Итальянского текста» русской культуры. Ведущее место среди них занимают главы, связанные с анализом различных ракурсов восприятия и изображения Рима – Рим как вечный город, как духовная родина, Рим классический, Рим христианский и католический. П. Деотто пишет о медленном, постепенном постижении Рима русскими путешественниками, литераторами, живописцами, многие из которых в итоге ощущали Рим как своеобразное пространство памяти, чувствуя свою нерасторжимую связь с этим городом.

Через знакомство с Римом для русских во многом осуществлялось новое открытие античности, ибо Рим становился для них воплощением многовековой истории. Но вместе с тем П. Деотто отмечает и

амбивалентность отношения к Риму как городу *былой*, утраченной славы. Касается автор и переключки Рима с Москвой в связи с концепцией Москва – Третий Рим.

Противоречивость отношения к Риму русских мыслителей, публицистов, писателей объективно и многосторонне представлена автором в главе «*Roma cristiana e cattolica*». Правда, за пределами специального анализа остался в этой главе ряд важных в плане заявленной темы произведений («Камень» О. Мандельштама, в частности), однако, книга П. Деотто базируется на таком обширном и концептуально значимом корпусе текстов, что отсутствие упоминаний об отдельных произведениях или персонах, пусть даже знаковых, общей картины не меняет.

Из «городских» глав книги самая большая посвящена Венеции, что вполне естественно, ибо в русской литературе и культуре в целом имя этого города звучит немногим реже, чем имя столицы Италии. Не случайны, поэтому, и отмеченные П. Деотто аналогии, присутствующие в художественном языке римского и венецианского сегментов «Итальянского текста» русской культуры.

Флоренция представлена автором книги преимущественно в одном аспекте – как город цветов, связанный с соответствующими мифологическими аллюзиями. В меньшей степени в этой главе исследуется очень важный для русской литературы образно-мотивный ряд Флоренция и Данте, соотносимый с представлением о городе, где жил и проповедовал Савонарола (А. Блок, Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова и др.), и Флоренция и Леонардо да Винчи (Д. Мережковский).

Несомненный интерес вызывает глава о Равенне, рассмотренной в культурном контексте с точки зрения следов византизма и, прежде всего, через восприятие русскими равеннских мозаик, неизменно порождавших у них ассоциации с православными иконами. Для русских в этом случае оказывалось принципиально важным осознание глубокой, восходящей к первым векам христианства связи между Россией и Италией, о чем убедительно писал П. Муратов в «Образах Италии». Прочность этой связи ощущается тем полнее, чем яснее понимается двойная природа мозаики – искусства в равной мере как восточного (Византийского), так и западноевропейского. По справедливому замечанию П. Деотто, подтвержденному анализом многочисленных художественных текстов, путевых заметок, полотен русской живописи, Равенна, Венеция и Италия в целом предстают перед прибывшим из России путешественником, литератором, художником как особое физическое и эстетическое пространство, где сопрягается прошлое и настоящее, универсальное и индивидуальное, как бесконфликтное место встречи двух культур – русской и западноевропейской, православной и католической. Все это в идеале вполне соответствует русской ментальности и, одновременно, позволяет каждому человеку по-новому оценить собственный культурный статус и определить свое место в многовековой европейской культуре.

Книга «In viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa», ориентированная, как уже говорилось, не столько на информирование, сколько на глубокий анализ, порой, как может показаться, все-таки содержит сведения, избыточные, с точки зрения *русского* читателя. Таковы, например, пояснения относительно славянофилов и западников, приведенные на странице 43. Однако следует учитывать, что написана она прежде всего для читателей *итальянских*. Кроме того, подобные фрагменты не посягают на единство концепции, о котором надо сказать особо.

Действительно, книга П. Деотто выгодно отличается от книги Н.П. Комоловой не только глубокой аналитичностью, но и сквозной концептуальностью. Так, говоря о русских литераторах и художниках начала XX века, П. Деотто пишет, что они в большинстве случаев «надеялись найти в Италии общество, для которого не характерны современные отношения, в коих баланс человека и природы искажен механической логикой и искусственностью прогресса» (с. 46). Поиски гармонии природного и человеческого, по сути Земного Рая, вели в Италию русских и в XIX веке, но, как точно замечает автор книги, именно в начале века XX стали особенно наглядны в Италии сложные соотношения культурной традиции и современности. Приезжая в страну в поисках осуществленной мечты, русские видели и ту и не ту Италию, которую они надеялись увидеть.

Разумеется, код «Итальянского текста» русской литературы не базируется на системе клише и связан не только с прорисовкой Земного Рая, и автор книги это прекрасно понимает и учитывает. П. Деотто показывает тонкие индивидуальные вариации тех или иных элементов поэтики у разных писателей и художников, но основная задача исследования состояла в том, чтобы из разнообразия, не посягая на него, вычленил устойчивое, воспроизводимое в различных по авторской принадлежности и времени создания текстах. И задача эта успешно решена.

Итак, книги Н.П. Комоловой и П. Деотто, в чем-то перекликаясь, очень отличаются одна от другой, но именно поэтому они и дополняют друг друга: одна представляет собой богатейший по материалу справочник, вторая предлагает результаты текстуальной научной проработки материала с точки зрения семиотической, филологической, искусствоведческой.

Н.Е.Меднис